

Алексей БАРТОШЕВИЧ

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ В БРИТАНИИ

В мире существуют разные формы репертуарного театра, о которых его противники в нашем отечестве даже не подозревают. Приведу несколько примеров. Театр *Old Vic* в Англии в течение долгих лет был в забвении. В нем играла то одна труппа, то другая, – в общем, это была обыкновенная прокатная площадка, до тех пор, пока во главе этого театра не встал американский актер Кевин Спейси. Никакой труппы там нет, но репертуар есть. Это репертуарный театр, если под определением понимать существование репертуарной политики. Спейси приглашает лучших режиссеров Англии и постановщиков из других стран, зрелых и молодых. Ставится лучшая классическая драматургия: Шекспир, Уайльд... Каждый очередной постановщик зовет в спектакль своих актеров. (Средняя цифра актерской безработицы в Англии – 90%, т.е. в каждый отдельный момент не работают 9 из 10 артистов). Я видел много спектаклей в *Old Vic* – один другого лучше. Очень умный и интеллигентный театр, в который ходят не только пожилые господа, но и молодежь.

Другой вид репертуарного театра – шекспировский в Стратфорде. Там долго искали принцип организации. Одним из первых руководителей стал Фрэнк Бенсон. Он набрал университетских выпускников, сверх интеллигентную молодежь, что для того времени (конец XIX – начало XX века), было весьма необычно. Постоянная труппа играла то здесь, то там, включая Стратфорд. Постоянная в том смысле, в каком понимаем ее мы. На одного режиссера – человек тридцать. Это 1910–1920-е годы. Денег никогда не хватало. Потом они поняли, что такую труппу им не потянуть и без репертуара обойтись нельзя. Был найден принцип, которому следуют до сих пор. Существует художественный руководитель, с ним заключается договор на приличный срок – на пять–семь лет. Иногда срок продлевается. Художественный

руководитель приглашает несколько режиссеров, и каждому полагается своя репертуарная «линия» (например, поздние пьесы Шекспира). Актеры набираются по контракту на три года. Заранее объявлен репертуар. Сначала спектакли играют в Стратфорде, потом – в Лондоне. Бывают, что договор перезаключают, но случается когда из сезона в сезон переходят одни и те же исполнители – редки. Актеров около 60 человек, довольно много и не так уж много, если учесть, что в театре три площадки и четвертая в Лондоне, постоянные гастроли, обязательства играть спектакли на Севере Англии, например, в маленьких шахтерских городках. Еще есть специальная маленькая труппа, которая показывает спектакли в школах, есть школы-студии для «своих» и посторонних, приезжающих из разных стран.

Существует тип театра, когда при руководителе-идеологе состоит труппа, ядро которой – человек 10–12. Это преимущественно сильные провинциальные театры.

В Шотландии, в Глазго, есть театр *Citizens* (что на русский переводится как «Граждане»), принципиально считавший себя не английским, а шотландским, которому немецкий

Pro настоящее

Королевский шекспировский театр (Royal Shakespeare Theatre).
Стратфорд-на-Эйвоне

Театр «Citizens».
Глазго

Театр «Old Vic».
Лондон

репертуар, немецкий режиссерский стиль, был ближе отечественного; финансируемый властями, с билетами то ли бесплатными, то ли символически копеечными. Во главе его стояли три человека и в нем работала постоянная труппа. В 1960–1980-х он был очень известен, его считали уникальным.

Старшее и младшее поколения в России ведут бесконечные споры о судьбе психологического театра, оконченности, чуждости его зрителю сегодняшнего времени или о живом его потенциале.

Я был в Вене на Венском фестивале и видел последний спектакль Люка Бонди по пьесе Петера Хандке «Старые добрые времена в Аранхуэсе», рассчитанной на двух актеров, мужчину и женщину, которые рассказывают о своей жизни. Я как будто видел стопроцентный МХАТ, тончайший психологический театр, кристально чистое психологическое

искусство. Я в Москве такого театра по уровню человечности и глубине проникновения не знаю.

Я говорю это к тому, что традиционный психологический театр спокойно переключивается в европейский театр и возникает там. Венский фестиваль – один из самых серьезных. Он традиционен. Спектакли Арианы Мнушкиной, Люка Бонди, поляков – высшая точка традиции. Фестивали в Эдинбурге или Авиньоне – лаборатории нового театрального языка. Требовать, чтобы этот язык мгновенно был спроецирован и перенесен на сцену театра для большинства людей, кажется мне неосмыслительным. Процесс должен происходить естественным образом, сам собой. В противном случае ничего хорошего не получится.